

главная страница / библиотека / обновления библиотеки

Н.А. Константинов, В.И. Соёнов

Соколиная охота в Горном Алтае.*

// *Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Вып. 3.* Улан-Батор:
2012. Т. 2. С. 374-381.

[*сноска к заголовку:*] * Работа выполнена при поддержке проекта
«Реконструкция систем жизнеобеспечения древних и
традиционных обществ Горного Алтая» (№6.3494.2011) госзадания
Минобрнауки РФ.

Петроглифы Горного Алтая сегодня широко используются в археологических исследованиях в качестве одного из важнейших источников по изучению военного дела, хозяйственных занятий, мировоззрения древнего и средневекового населения, а также при реконструкции этнографического облика жителей, изучении политической истории региона и др.

Одним из распространённых сюжетов в алтайских петроглифах является охотничья деятельность. Среди многообразия охотничьих сцен в Горном Алтае известны пока только две композиции, передающие охоту с применением хищной птицы. (374/375)

Первая композиция выполнена в технике граффити на сланцевой поверхности около села Усть-Кан. «Писаница», датируемая исследователями ранним средневековьем, была скопирована в 80-е гг. XX в. и опубликована в первой половине 90-х гг. (Елин, Некрасов, 1991: 146-147; Елин, Некрасов, 1994; Молодин, 1992). Это местонахождение петроглифов, названное «Усть-Канской писаницей», содержит несколько зооморфных, орнитоморфных и антропоморфных фигур (рис. 1). Условно композицию можно разделить на две части: верхнюю и нижнюю. В верхней части, где изображены только животные, прослеживается не менее шести-семи фигур. В нижней части композиции выделяются две группы изображений: слева прочерчены летящая хищная птица и три фигуры животных, из которых определимы два: кабан и копытное животное без рогов. Справа от этих изображений локализуются несколько других фигур: скачущий всадник, держащий на поднятой руке ловчую птицу(?); пара куропаток перед всадником; марал, раненый стрелой в грудь; два копытных животных над маралом; пеший лучник, стреляющий в марала. Ниже справа изображена привязанная лошадь.

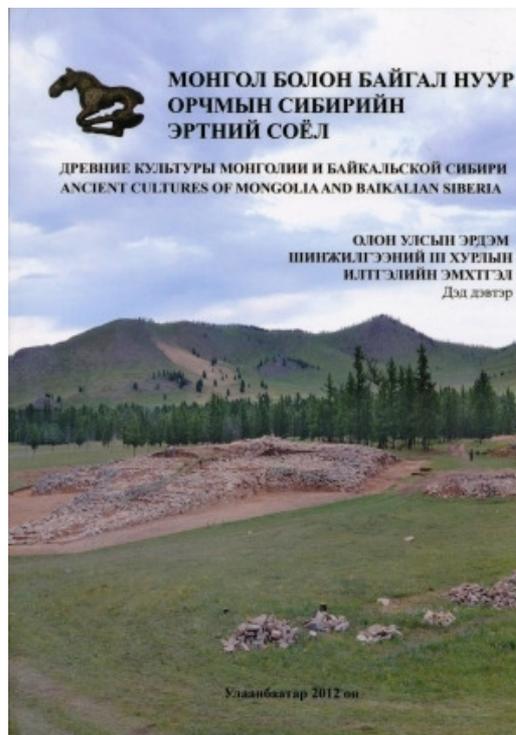
О том, что вся композиция представляет единую сцену охоты, могут свидетельствовать центральная и нижняя фигуры маралов, изображённые в одинаковой манере. У обоих маралов шея декорирована ломаными линиями. Вся композиция очень динамична, большинство животных изображено в движении. Исключением являются статичные фигуры двух животных в нижней части, которые показаны с подогнутыми под себя ногами и изображение стоящей лошади, расположенное в правом нижнем углу композиции. Статичные фигуры — это, вероятно, уже убитая добыча. Лошадь привязана чумбуром к поясу пешего лучника. В раннесредневековых рисунках лошади довольно часто изображались рядом со спешившимся хозяином (Руденко, Глухов, 1927: 52, рис. 18; Кубарев, 1995: 161, табл. I — 1, 3; и др.).

Интересно, что в сцене охоте присутствуют изображения двух куропаток, видимо, являющиеся объектами охоты. В Горном Алтае сцена охоты на птиц известна по петроглифам Туэкты (Миклашевич, 2006: 222, рис. 5). Правда, в туэктинской сцене в качестве добычи выступает журавль.

Вторая сцена соколиной охоты обнаружена и скопирована в 1996 г. горноалтайским этнографом Е.Е. Ямаевой на известном памятнике Бичикту-Бом (Ямаева, 2009: 57-59). Сейчас плоскость с этой редкой сценой, «выполненной тёмно-синей тушью по жёлто-красной поверхности», к сожалению, утеряна. Было опубликовано только описание сцены. В сцене охоты присутствуют несколько фигур: три всадника на верхнем ярусе; звери и птицы (1 марал, 1 козёл, 3 зайца и 3 сокола) на нижнем. Рядом со сценой имелась руническая надпись. Один всадник вооружён луком, фигура среднего всадника плохо различима, у третьего всадника в руках изображён «длинный предмет». Все фигуры изображены в движении, прорисованы мельчайшие детали. Соколы изображены преследующими зайцев.

Сцена отнесена исследовательницей к памятникам уйгурской культуры (Ямаева, 2009: 59). Рунические надписи довольно часто присутствуют рядом со сценами охоты (Миклашевич, 2006: рис. 5; Кляшторный, Кубарев, 2002: рис. 1). Дальнейшие исследования позволят выявить характер связи этих эпитафий и со сценами охоты, на которых они изображены. Надпись, выполненная краской, известна на святилище Большой Яломан-III (Тишкин, 2006: 6).

Изображения хищных птиц (орлов), выполненные в технике граффити, в Горном Алтае известны по петроглифам Каракола (Минорский, 1951: 188, рис. 56 — 5) (рис. 2 — 1), и рисункам на плите из Ини, которая, видимо, первоначально представляла собой стелу, вкопанную около тюркской поминальной оградки (Соёнов, Суханов, 2001: 138-139, рис. 1) (рис. 2 — 2). Эти рисунки, скорее всего, также датируются второй половиной

I тыс. н.э., но выполнены в несколько иной манере, чем птицы на Усть-Канской (375/376)

писанице. Манера исполнения птиц с Ини и Каракола в анфас несколько отличается от других раннесредневековых изображений птиц, которые были нарисованы в профиль (Миклашевич, 2006: 222). В то же время эти изображения птиц, на наш взгляд, несколько разнятся и с таштыкскими образцами (Кызласов, 1960: рис. 53 — 21; Советова, Миклашевич, 1999: табл. 6 — 1).

Выбитое изображение хищной птицы (сокола сапсана или балабана) зафиксировано в петроглифах Карагема (Маточкин, 1997: 57-58, рис. 1 — 1) (рис. 2 — 9). Птица изображена летящей и в профиль, что сближает карагемское изображение с усть-канской птицей (рис. 1 — 2). Рисунок был датирован автором публикации IV в. до н.э. (Маточкин, 1997: 58). Выбитые изображения летящих орлов (?) известны и в петроглифах Елангаша (Кубарев, Черемисин, 1984: рис. 2 — 12). Известны гравированные изображения орлов на мыютинских петроглифах в Северном Алтае (Бородовский, 2009: 226).

Различные сцены охоты были весьма распространены в раннем средневековье на предметах материальной культуры и наскальных рисунках Алтая и соседних территорий. К этому кругу относятся изображения на костяных накладках седла из

(376/377)

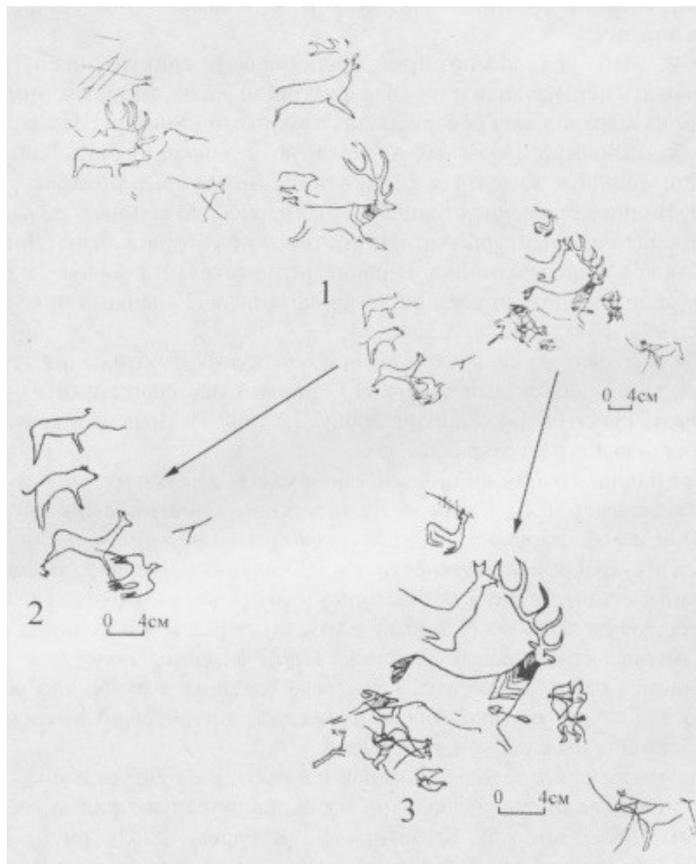

Рис. 1. Сцена охоты у села Усть-Кан.
1 — Сцена охоты полностью;
2, 3 — фрагменты сцены (по: Елин, Некрасов, 1994).
Fig. 1. A scene of hunting at village Ust-Kan.
1 — a hunting scene completely;
2, 3 — scene fragments (on: Elin, Nekrasov, 1994).
(Открыть Рис. 1 в новом окне)

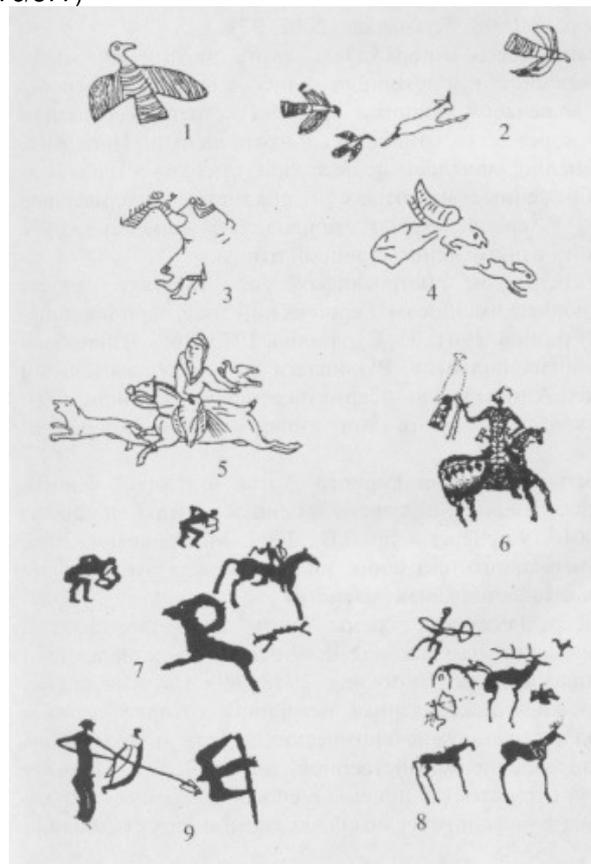

Рис. 2. Сцены с изображениями хищных птиц.
1, 2, 9 — Российский Алтай; 7, 8 — Монгольский Алтай; 3, 4 — Тува; 5 — Минусинская котловина; 6 — Средняя Азия.
(1 — по: Минорский, 1951; 2 — по: Соёнов, Суханов, 2001; 3, 4 — по: Кызласов, 1999; 5 — по: Радлов, 1891; 6 — по: Кляшторный, 2001; 7, 8 — по: Кубарев, 2001; 9 — по: Маточкин, 1997).
Fig. 2. Scenes with images of birds of prey.
1, 2, 9 — the Russian Altai; 7, 8 — Mongolian Altai; 3, 4 — Tuva; 5 — the Minusinsk hollow; 6 — the Middle Asia.
(1 — on: Minorsky, 1951; 2 — on: Soyonov, Sukhanov, 2001; 3, 4 — on: Kyzlasov, 1999; 5 — on: Radlov, 1891; 6 — on: Klyashtorny, 2001; 7, 8 — on: Kubarev, 2001; 9 — on: Matochkin, 1997).
(Открыть Рис. 2 в новом окне)

могилы 9 могильника Кудырге (Руденко, Глухов, 1927; Гаврилова, 1965: табл. XV — 12, табл. XVI — 1); на петроглифах Кургака (Кубарев, 2001a: рис. 3), Жалгыз-Тобе (Cheremisin, 2002: fig. 6 — 3; 7; Кубарев, 2004: 76-77, рис. 4), долины р. Чаган (Юго-Восточный Алтай) (Окладникова, 1988: 150, рис. 3 — 3, 1; Черемисин, 2004: рис. 3, 7-9), Калбак-Таша-II (Кубарев, 2007: 285-286, рис. 1 — 5) и др.

Как отмечалось, в Горном Алтае известны всего две сцены соколиной охоты, но в соседних регионах имеется целый ряд подобных рисунков, где изображена охота с применением ловчей птицы. Ярким примером является рисунок на металлическом сосуде, найденном в кургане около Красноярска в XVIII в. (Радлов, 1891: прил., табл. III-е; табл. IV). На сосуде изображены вооружённые луками четыре скачущих всадника, а также

охотник на лошади, «вооружённый» хищной птицей. Птица с расправленными крыльями стоит на вытянутой руке хозяина (взлетает?) (рис. 2 — 5). Стоит заметить, что сосуд мог являться предметом китайского импорта.

Интересна многоярусная гравированная композиция из Тувы, передающая сцену облавной охоты на стеле, стоящей в центре поминальной оградки в долине р. Эдегей (Кызласов, 1999: 136, рис. 12-14). В композиции помимо прочего прослеживается изображение человека с птицей на руке (?) (рис. 2 — 3) и изображение хищной птицы, хватающей зайца (рис. 2 — 4). Изображения и надпись были отнесены к IX-X вв. (Кызласов, 1999: 155).
(377/378)

Сцены охоты с применением хищной птицы известны в петроглифах Монголии, Казахстана и Средней Азии (Кубарев, 2001б: 98, 100, рис. 9 — а, б) (рис. 2 — 6, 7, 8). В Центральном Тянь-Шане обнаружены изображения всадников с привязанной к руке птицей (рис. 2 — 6), на некоторых прослеживается клобучок — колпак для закрывания глаз птицы (Кляшторный, 2001; Табалдиев, Жолдошов, 2003: 112-113). Правда, изображение птицы на этих рисунках интерпретировано С.Г. Кляшторным как изображение павлина (Кляшторный, 2001: 214). Другие авторы связывают эти изображения птиц с «результатом творческой деятельности при выполнении одной части памятных ритуальных процедур соплеменников в честь умершего знатного», не уточняя вида птиц (Табалдиев, Жолдошов, 2003: 121). На раннесредневековых тюркских изваяниях Казахстана также встречаются изображения птиц, сидящих на руке (Шер, 1966: 12, 114, 116, рис. 5, табл. XXIII; Ермоленко, 1999).

Есть упоминание об охоте с хищной птицей на журавлей в минусинских рунических эпитафиях: «...Пусть множатся журавли Тогудая: того кто мог охотиться на них с ловчей птицей — мудрого тутука, — нет, пусть множатся! Великий кравчий остался (один)...» (Кормушин, 2008: 140).

Стоит также отметить, что наличие охоты с применением хищной птицы (беркута) в Горном Алтае зафиксировано в этнографическое время у южных алтайцев (Хороших, 1947: 31; Потапов, 2001: 39), киргизов, казахов, монголов и других народов Центральной и Средней Азии (Симаков, 1998; Жуковская, 2002: 97).

На скалах и предметах чаще всего изображалась охота на тех животных, которых было либо трудно добыть в силу их проворности, либо в силу их опасности для человека — медведя, кабана, кошачьего хищника, крупных копытных (Грязнов, 1950: 53). К этим же видам охоты, скорее всего, относилась и охота на птиц. Попадание стрелой в летящую птицу, несомненно, являлось показателем высоких стрелковых способностей. Виды охоты, изображённые на скалах и предметах материальной культуры, были «престижными» у средневековых тюрков. И, конечно же, к «престижной» охоте относилась охота с применением хищной птицы.

Охотничьи и военные сцены на петроглифах, по мнению многих исследователей, были связаны с героическим эпосом. Героический эпос, зародившийся ещё «в эпоху ранних кочевников» (Грязнов, 1961: 31; Суразаков, 1979: 269), изначально был связан с восхвалением охотничьих подвигов. Развивался он в изобразительном искусстве Южной Сибири и Средней Азии и в гунно-сарматское время (Грязнов, 1971; Пугаченкова, 1987). В этих эпических сценах охота стоит в одном ряду с батальными сюжетами (Грязнов, 1979: 145).

В изобразительном творчестве населения Горного Алтая в период раннего средневековья наибольшее распространение получили военные сцены и сцены «героической» охоты (Кубарев, 2001б: 96; Черемисин Д.В., 2004; Миклашевич, 2006: 223; и др.). В мировоззрении средневекового населения, видимо, между этими двумя видами деятельности, образно выражаясь, стоял знак равенства.

Стоит отметить, что раннесредневековые сцены охоты на петроглифах и предметах материальной культуры дают нам далеко не полное представление о способах ведения охоты, как считалось ранее (Евтюхова, 1948: 89). На этих сценах изображались эпические сюжеты, какие-то легендарные истории, в которых охота, в первую очередь, выступала как иллюстрация мифологических действий и проявления богатырской удали, а не как направление хозяйственной деятельности. Поэтому изобразительные источники не могут отражать все приёмы и способы ведения охоты, а передают только те, которые связаны с мифологическими сюжетами и «престижными» видами охоты.
(378/379)

Престижными видами охоты занимались знатные воины, главным образом, не для добывания пищи, а в качестве военных тренировок или своего рода забав. «...Охота была подготовкой к воинским подвигам, своего рода манёврами» (Гумилев, 1967: 70). О знатности воинов, изображённых на петроглифах, может свидетельствовать всадник из Хар-Салаа с ловчей птицей, нарисованный с престижным атрибутом — стеком или булавой (Кубарев, 2001б: 98). Единственная руническая эпитафия, в которой содержится упоминание охоты с ловчей птицей, посвящена знатному человеку (Кормушин, 2008: 138). Отмечалось, что, несмотря на значительное развитие соколиной охоты у казахов, «использование хищных птиц для охоты не было массовым явлением» (Жатканбаев А., Турлыбаев А., 1990).

Рассмотрение изобразительных источников позволяет нам предположить, что соколиная охота являлась одним из элементов элитарной культуры раннесредневековых тюрков Горного Алтая. Несмотря на то, что охота с ловчей птицей была очень эффективна (Симаков, 1998: 163-164), этот вид охоты в Горном Алтае в

раннем средневековье был связан не только с хозяйственной деятельностью, а, главным образом, выступал как развлечение знатных тюркских воинов.

Список литературы. ^

- Бородовский А.П. Гравировки эпохи средневековья в Мыотинском петроглифическом комплексе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. — Т. XV — С. 224-228.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. — М.-Л.: Наука, 1965. — 145 с.
- Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. — Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. — 92 с.
- Грязнов М.П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // АСГЭ. — Л., 1961. — Вып. 3. — С. 7-31.
- Грязнов М.П. Миниатюры таштыкской культуры. Из работ Красноярской экспедиции 1968 г. // АСГЭ. — Л.: Аврора, 1971. — Вып. 13. — С. 94-106.
- Грязнов М.П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. — Новосибирск: Наука, 1979. — 167 с.
- Гумилёв Л.Н. Древние тюрки. — М.: Наука, 1967. — 504 с.
- Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). — Абакан, 1948. — 109 с.
- Елин В.Н. Некрасов В.А. Новые петроглифы Горного Алтая // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. — Барнаул. 1991. — С. 145-148.
- Елин В.Н., Некрасов В.А. Граффити с изображением охотников у с. Усть-Кан // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. — Горно-Алтайск, 1994. — С. 116-122.
- Ермоленко Л.Н. Древнетюркское изваяние с птицей из Восточного Казахстана // Археология, этнография и музейное дело. — Кемерово: Изд-во КемГУ, 1999. — С. 86-91.
- Жатканбаев А., Турлыбаев А. «Кусбегы» — охота с хищными птицами в Казахстане // Охота и охотничье хозяйство. — 1990. — №7. — [электронный ресурс]: (http://www.piterhunt.ru/library/articles/zhatkanbaev_a/kusbegy_okhota_s_khishchnymi_ptitsami_v_kazakhstan.html).
- Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. — М.: Вост. лит., 2002. — 247 с.
- Кляшторный С.Г. Всадники Кочкорской долины // Евразия сквозь века. Сборник к 60-летию Д.Г. Савинова. — СПб: Изд-во ФФ СПбГУ, 2001. — С. 213-215.
- Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В. Тюркские рунические эпитафии из Чуйской степи (Юго-Восточный Алтай) // История и культура Востока Азии. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 2002. — Т. 2 — С. 78-82.
- Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. — М.: Наука, 2008. — 348 с.
- Кубарев В.Д. Изваяние с реки Хара-Яма // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. — Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1995. — С. 158-162.
- (379/380)
- Кубарев В.Д. Исследование петроглифов Алтая в 2001 г. // Вестник Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. — 2001а. — Вып. 4. — С. 8-11.
- Кубарев В.Д. Сюжеты охоты и войны в древнетюркских петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2001б. — №4 (8). — С. 95-107.
- Кубарев В.Д. Калбак-Таш-II: памятник наскального искусства Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. [Т. XIII] — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. — С. 282-287.
- Кубарев В.Д., Черемисин Д.В. Образ птицы в искусстве ранних кочевников Алтая // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск: Наука, 1984. — С. 86-100.
- Кубарев Г.В. Раннесредневековые граффити Чуйской степи // Археология и этнография Алтая. — Горно-Алтайск, 2004. — Вып. 2. — С. 75-84.
- Кызласов И.Л. Результаты раскопок поминальных оградок могильника Эдегей (факты вторичного использования древнетюркских оградок VI-VIII вв. в раннем средневековье) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. — Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. — №3. — С. 134-156.
- Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н.э. — V в. н.э.). — М: Изд-во МГУ, 1960. — 198 с.
- Маточкин Е.П. Лучник и птица петроглифов Карагема // Гуманитарные науки в Сибири. — 1997. — №3. — С. 57-63.
- Миклашевич Е.А. Рисунки на скалах у деревни Туэкта (Горный Алтай) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. — Горно-Алтайск, 2006. — Вып. 3. 4. — С. 219-235.
- Минорский А.И. Древние наскальные рисунки Горного Алтая // КСИИМК. — 1951. — Вып. XXXVI. — С. 184-188.
- Молодин В.И. Усть-Канская писаница // Первобытное искусство. Наскальные рисунки Евразии. — Новосибирск: Наука, 1992. — С. 91-93.
- Окладникова Е.А. Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай (характеристика изобразительных особенностей и хронология) // Материальная и духовная культура народов Сибири. (Сборник МАЭ. Т. XLII). — Л.: Наука, 1988. — С. 140-158.
- Потапов Л.П. Охотничий промысел алтайцев. (Отражение древнетюркской культуры в традиционном охотничьем промысле алтайцев). — Санкт-Петербург, 2001. — 167 с.
- Пугаченкова Г.А. Образ кангойца в согдийском искусстве. (Из открытий Узбекстанской искусствоведческой экспедиции) // Из художественной сокровищницы Среднего Востока. — Ташкент: Изд-во Лит. и искусства, 1987. — С. 56-65.
- Радлов В.В. Сибирские древности. — СПб: Типография Императорской академии наук, 1891. — Т. 1. — Вып. 2. — 80 с. — 8 табл. — 9 прил.
- Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // МЭ. — 1927. — Т. III. — Вып. 2. — С. 37-52.
- Симаков Г.Н. Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии (ритуальный и практический аспекты). — СПб: Петербургское востоковедение, 1998. — 320 с.
- Советова О.С., Миклашевич Е.А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы Петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело. — Кемерово: Изд-во КемГУ, 1999. — С. 47-74.
- Соёнов В.И., Суханов Г.П. Плита из Ини // Древности Алтая. — Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2001. — №6. — С. 138-141.
- Суразаков А.С. Железный кинжал из долины Ачик Горно-Алтайской автономной области // СА. — 1979. — №3. — С. 265-269.
- Табалдиев К., Жолдошов Ч. Образцы изобразительной деятельности древнетюркских племён Тенир-Тоо // «Манас» Университети. Коомдук илимдер журналы. — Бишкек, 2003. — С. 111-136.
- Тишкин А.А. Историко-культурное наследия Алтая. Древности Онгудайского района. — 2006. — Вып. 1. — 12 с.
- Хороших П.П. Писаницы Алтая // КСИИМК. — 1947. — Вып. XIV. — С. 26-34.
- (380/381)
- Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2004. — №1 (17). — С. 39-50.
- Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. — М.-Л.: Наука, 1966. — 140 с.
- Ямаева Е.Е. Наскальные рисунки эпохи средневековья: уйгуры в Горном Алтае (по материалам памятников долины Каракол) //

Научный вестник Горно-Алтайского государственного университета. — Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2009. — №4 — С. 57-61.
Cheremisin D. The study of the Djalgytobe petroglyphs // INORA. — 2002. — №32. — P. 20-25.

Summary

N.A.Konstantinov, V.I.Soyonov. **FALCONRY IN THE MOUNTAIN ALTAI.** ^

In graphic creativity of the population of Mountain Altay in the early Middle Ages the greatest distribution was received by military scenes and scenes of "heroic" hunting. Consideration of graphic sources allows us to assume that the falconry was one of elements of elite culture Turks in the early Middle Ages in Mountain Altay. In spite of the fact that hunting with a bird of prey was very effective, this kind of hunting was entertainment of notable Turkic warriors.

[наверх](#)

[главная страница](#) / [библиотека](#) / [обновления библиотеки](#)